

Борис Беленцов

A photograph of a man standing in a snowy forest. He is wearing a white winter jacket with red accents and dark pants. He is leaning against a large tree trunk. The forest is filled with many thin, bare trees, and the ground is covered in snow.

**В ЖИЗНИ
БЫВАЕТ
ВСЁ**

18+

РАССКАЗЫ

Борис Беленцов

**В жизни бывает всё.
Сборник рассказов**

«Автор»

2026

Беленцов Б.

В жизни бывает всё. Сборник рассказов / Б. Беленцов —
«Автор», 2026

Сборник рассказов различного жанра из жизни людей: драматических,
юмористических.

© Беленцов Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Поездка за рыбой	6
Парикмахерша	11
Охотник	13
«Запорожец»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Беленцов
В жизни бывает всё. Сборник рассказов

Поездка за рыбой

За окном стоял июль. Быстротечное заполярное лето было в самом разгаре: солнце круглые сутки не заходило за горизонт; тундра, словно трансформатор высокого напряжения, гудела от мошек и комаров, а те из мужиков, кто не смог уехать вместе со своими семьями в отпуск на юг, вырвавшись на короткое время из супружеского плена, вели бурную холостяцкую жизнь. В общем, в далёком заполярном городе было обычное лето.

Мне, приехавшему на Крайний Север менее года назад, поначалу многое казалось здесь удивительным. Удивительны были белые ночи, когда, проснувшись, ты не понимал, какое время суток за окном, и догадаться о том, что сейчас, ночь или день, мог только по наличию на улице прохожих. Я никак не мог привыкнуть к низко висящим, накрывавшим город и шахтные посёлки серым плотным, словно тканое полотно, облакам. Мне были в диковинку пурга в середине мая и покрывшаяся за считанные дни после того, как растаял снег, зелёным ковром тундра. Но я был молод, полон жизненных сил, энергии, надежд, мечтаний, планов, свободен от брачных уз, доволен жизнью и очень рад, что судьба занесла меня именно сюда – на край земли.

Общежитие, где я проживал, к моей радости, было благоустроенным, тёплым, и я бы даже сказал уютным. Шахта постоянно выполняла план, и заработок даже у меня, не имевшего северных надбавок, был вполне достойный. Коллектив, в который я пришёл, несмотря на его многонациональность, оказался дружным и сплочённым. Первое время ко мне, как и к любому новичку, присматривались и относились настороженно, но, так как я старался избегать всяческих конфликтов, вскоре меня перестали считать чужим. Среди работающих на участке я был самым молодым не только по стажу, но и по возрасту, и по этой причине коллеги относились ко мне снисходительно-покровительственно и чаще других использовали на всяких посылках и подсобных работах. Поэтому я совсем не удивился, когда однажды мой напарник по работе Пётр Петрович Сушинский предложил: «Поедем со мной за рыбой?» «На рыбалку, что ли?» – спросил я. «В посёлок на Оби. Там можно купить хорошей рыбы», – ответил Пётр Петрович. «А как же работа?» – снова спросил я. «С начальником договорюсь – он отпустит и смены проведёт», – сказал напарник. Я, в душе порадовавшись возможности посмотреть новые места, ответил: «Ну если так, то чего ж не съездить. Поехали». Здесь мне бы хотелось рассказать поподробнее о своём напарнике.

Пётр Петрович Сушинский работал на шахте с основания предприятия, а если сказать честно, с того времени, когда шахты ещё не существовало. Вернее, не так; шахта находилась на месте, куда же ей деться, но называлась она по-другому – «Отдельный лагерный пункт номер двадцать девять Главного управления Северных лагерей», это потом её переименовали в шахту номер двадцать девять. Звали в те времена Петра Петровича Петерс Сушинскис, и приехал он в эти края не по доброй воле, а в вагоне-телятнике под конвоем солдат с автоматами. Было тогда Петерсу от роду двадцать два года, и вместе с ним приехало его дело, в котором было записано, что он, Петерс Сушинскис, осуждён на десять лет лагерей особого режима по статье пятьдесят восемь за участие в вооружённых бандформированиях на территории Латвийской ССР. Как Пётр Петрович оказался у «лесных братьев», он об этом предпочитал не распространяться, но, отбыв отмеренные ему советским судом десять лет, будучи невыездным за пределы места проживания, он окончил курсы шахтных электрослесарей и, так как к тому времени канул в Лету ГУЛаг, продолжил работать на той же шахте, но уже без конвоя. За многие годы, проведённые за колючей проволокой, Петерс усвоил одну непреложную истину: чтобы хорошо жить, нужно угождать начальству. А так как после ликвидации СевЛага многие начальники, носившие погоны, даже сняв их, остались во главе вверенных им предприятиям, то, руководствуясь этим правилом, Петерс никогда не спорил как с маленькими начальниками, так и большими.

Он беспрекословно выполнял все поручения, задания и приказы и со временем добился того, что стал пользоваться полным доверием и был на хорошем счету у администрации. Теперь уже мало кто помнил, как он попал сюда, никто не называл его настоящим именем Петерс.

Все эти сведения о своём напарнике я по крупицам узнал от своих соседей по общежитию и коллег по работе, что для меня было большой неожиданностью. Впрочем, неожиданно было не только это. Я также узнал, что наш многонациональный коллектив в большинстве своём состоит из отсидевших бандеровцев, ссыльных немцев, прибалтийских «лесных братьев», власовцев, а также бывших офицеров и солдат Советской армии, побывавших в плену или чем-то провинившихся перед Советской властью. В общем, людей, отбывших свой срок по пятьдесят восьмой статье и не имевших права выезда на «большую землю». Но это, к слову так сказать, лирическое отступление, вернёмся к нашей поездке.

Уже через день, затарившись водкой и пивом, я и Пётр Петрович садились в общий вагон поезда, следовавшего из нашего города до посёлка на берегу Оби. Вскоре поезд тронулся, за окном потянулся обычный пейзаж: покрытая свежей зеленью бесконечная тундра, которая вскоре сменилась на унылую, нагоняющую тоску лесотундру – болота и чахлые ели. Ещё по пути на вокзал напарник рассказал мне, что до конечной точки нашего путешествия не так уж и далеко – двести восемьдесят километров, но, по причине того, что дорога однопутная и извилистая, ехать придётся более двенадцати часов.

На одной из станций наш поезд, простояв больше часа, к моему изумлению, двинулся назад. Увидев это, Пётр Петрович, засмеявшись, сказал: «Не переживай, здесь ответвление, теперь поедем через горы – на восток». И действительно, коротенький состав: три пассажирских вагона, почтово-багажный и вагон-магазин на колёсах, прогрохотав по мосту через довольно широкую реку, потащился в сторону видневшихся вдалеке горных вершин. Чем ближе мы подъезжали к ним, тем красочнее становилась картина. Наконец, преодолев последние километры тундры, поезд, повторяя изгибы пенившейся на перекатах кристально чистой речушки, запетлял промеж отрогов Полярного Урала. По обе стороны от железной дороги теснились поросшие редким ельником горы. На их вершинах и северных склонах белыми языками сверкал на солнце непорочно чистый снег. Красоту первозданной, казалось бы не тронутой рукой человека природы нарушали режущие глаз пейзажи – изредка встречавшиеся на пути поезда останки полуразрушенных лагерных построек: сторожевые вышки и столбы с обрывками колючей проволоки, а также стоявшие на полустанках и разъездах деревянные обшарпанные вокзалы и убогие жилые и служебные помещения барачного типа.

Наличие вагона-магазина в составе поезда вынуждало машиниста останавливать его на всех разъездах и полустанках и подолгу стоять, ожидая, когда отоварятся местные аборигены. Из придорожных бараков появлялись хмурые, не опохмелившиеся мужики и растрёпанные неухоженные женщины, для которых прибытие поезда было событием вселенского масштаба, и, выстроившись в очередь у открытой двери магазина, без разбора и счёта скупали сигареты и папиросы, рыбные консервы, плавленые сырки, соль, сахар, чай, мыло и тройной одеколон. Бегающие вокруг чумазы дети, дёргая за полы родителей, просили купить пряников, конфет, сгущёнки и фиников. Рассчитываясь за товар, аборигены небрежно вытаскивали из карманов засаленных до блеска штанов смятые двадцатипятирублёвки, червонцы, трёшки и пятёрки, а иногда новенькие, будто вышедшие из-под станка полусотенные и сотенные купюры с профилем вождя революции и протягивали продавцу. Отоварившись и зачастую не дождавшись сдачи, они, сложив в сторонке свои покупки, бежали к пассажирским вагонам с целью разжиться там спиртным. Но шанс поменять спиртное на радужные бумажки был ничтожно мал; пассажирами этого поезда в большинстве своём были такие же хмурые и неухоженные люди, не понаслышке знавшие о ценности спиртных напитков в здешних местах. Помотавшись вдоль вагонов и ничего не получив, аборигены, забрав покупки, исчезали в глубине приземистых бараков.

Под вечер мы добрались до места назначения. Посёлок на Оби оказался как две капли воды похож на сотни других разбросанных по Северу населённых пунктов. В центре его стояли двухэтажные деревянные, реже кирпичные дома, а на окраине оставшееся наследие ГУЛага – покосившиеся бараки. В крохотном зале ожидания обшарпанного вокзала нас встретил земляк Петерса – худощавый мужчина средних лет по имени Валдис. В отличие от моего напарника, он разговаривал с заметным прибалтийским акцентом. По этой причине я про себя сразу же дал ему прозвище Латыш. Погрузившись на мотоцикл с коляской, мы отправились к нему домой. Валдис жил в покосившемся, вросшем в землю бараке, стоявшем в сотне метров от берега одной из протоков Оби. Наскоро поужинав, мы, не теряя времени, сели в лодку «Казанка» и, распугивая треском мотора уснувших в камышах уток и оставляя за собой пенящийся след, понеслись по водной глади протоки.

Попетляв среди бесчисленных ответвлений и разветвлений дельты огромной реки, наша лодка на высокой скорости влетела в полукруглый затон, посередине которого стояла навечно прикованная к якорю ржавая облезлая баржа. Ещё на подходе мы увидели находившихся на её палубе двух мужчин. Заглушив мотор, Латыш пришвартовал «Казанку» к железному борту. В ту же минуту, рассматривая нас, сверху свесился лохматый, небритый, с похожим на луну лицом мужик неопределённого возраста. Он обвёл всех мутным взглядом и, узнав Валдиса, открыв рот, в котором не было не единого зуба, сказал: «А-а-а, – это ты латыс... Привет! Вотку привёс?» «Привёз, а рыбка у тебя есть?» – пропустив мимо ушей приветствие, задал вопрос хозяин лодки. Узнав, что есть водка, абориген, оживившись, ответил: «Рыбы навалом – муксун, нельма. Сто зелаешь купить?». «Цена та же?» – снова спросил Валдис. «Та же – яссик муксуна – пусырь вотки, яссик нельмы – два. Сколько брать будес?» – поинтересовался абориген. Валдис вопросительно посмотрел на своего земляка. «Четыре ящика муксуна и один нельмы», – ненадолго задумавшись, сказал тот. «Мозет, у вас и пивко найдёсса? А то мы баб в гости здём...» – ухмыльнулся беззубый. «Есть», – ответил Пётр Петрович. «Махнём, яссик муксуна на два пусыря пива?» – спросил абориген. «Махнём», – зная, что пиво прокисшее, подмигнув мне, сказал напарник. Через пять минут мы, загрузив в лодку рыбу, рассекая водную гладь затона, стремительно понеслись в обратный путь. Всю дорогу Петерс и Валдис, видимо, опасаясь нежелательной встречи с представителями закона, с опаской посматривали по сторонам, но, к нашему счастью, на обратном пути никто не встретился, и через пятнадцать минут мы, радостные и довольные, пришвартовались к небольшому лодочному пирсу. Вся обменная операция заняла около часа.

Пока Латыш ходил за мотоциклом, я успел расспросить Петра Петровича о барже, стоявшей в затоне. Выяснилось, что официально она называется разделочно-засолочной базой рыбо-ловецкой артели. И все рыбацкие бригады Обской губы сдают свой улов на неё. А те люди, с которыми мы производили натуральный обмен, – рабочие. Они потрошат, разделяют, солят рыбу и раскладывают в ящики по десять килограммов в каждый, а потом сдают в потребко-операцию.

Время уже перевалило за полночь, но на улице было светло как днём. Солнце, не двигаясь, висело над горизонтом, словно лампочка, подвешенная на электропроводе. Расплатившись, с хозяином лодки десятью килограммами муксуна и двумя бутылками водки, мы с Петерсом, завернув в целлофан рыбу, разложили её по сумкам. Когда закончился общий ажиотаж, Валдис произнёс: «Рыббы многа. Как повезёте?» «С ментами поделимся, не в первый же раз», – ответил его земляк. «Тело в том, что у нас глава милиции тругой. Неттавно поставили. Он землю пот сопной роетт. “Тавай, тавай, – требует – ищите, кто ворует рыбу”. Обыскивают на вокзале всех приезжих. Ну а тальше, сам знаешь, – тюрьма», – сказал Латыш. Услышав это, Пётр Петрович, изменившись в лице, спросил: «А как же быть?» «Есть отин вариант. В поч-тово-багажном вагоне знакомый раппотает... Отин раз выручал. Нужно ехать сейчас... Утром бутет позттна», – ответил Валдис.

Поезд стоял в тупике. Оставив нас с напарником караулить мотоцикл и рыбу, Латыш пошёл договариваться. Ждали мы его недолго; минут через десять он возвратился и сказал, что за десять килограммов муксуна его знакомый готов нам помочь. Выбора у нас не было, и мы, забрав сумки, пошли к составу. Проводника почтово-багажного вагона звали Семёном, у него были большой живот, полный золотых зубов рот и бегающие глаза мелкого мошенника; и, честно говоря, он мне не понравился. Но решение принимал не я, да и ситуация у нас была почти безвыходная, поэтому, отвесив проводнику десять кило рыбы (весы нашлись в вагоне) и загрузив свои сумки, мы возвратились в барак к Валдису. Поезд отправлялся в одиннадцать дня, и мы, разлив по сто семьдесят граммов на брата, выпили за то, чтобы всё складывалось так же удачно, как и до этого, улеглись спать.

За полчаса до отправления поезда Латыш привёз нас на вокзал. Состав уже стоял у перрона, и мы, купив билеты, поспешили занять удобные места в вагоне. Валдис оказался прав: по пустому перрону со скучающим видом бродили три милиционера. Окинув меня и Петерса подозрительным взглядом, они, заметив, что в наших руках, кроме сетки-авоськи, другой поклажи нет, потеряли к нашим персонам всякий интерес. Петерс облегчённо вздохнул, и мы поднялись в вагон. На обратном пути, по причине того, что большинство товара в магазине на колёсах было распродано, поезд заметно меньше стоял на станциях и полустанках. Когда он втянулся в горы, мы с Петром Петровичем, достав из авоськи последнюю бутылку «Московской» и порезав на целлофане малосольного муксуна и хлеб, решили перекусить. Народу в вагоне было мало, и по этой причине в купе мы были вдвоём. Выпив по первой, я решил поделиться с напарником своими сомнениями в честности проводника багажного вагона: «Мне кажется, Пётр Петрович, этот Сеня нас точно обмишурит. В худшем случае он на конечной станции сдаст нас своим милицейским дружкам, а те конфискуют весь наш “улов”. В лучшем же – просто ополовинит наши сумки, и мы ничего не сможем сделать. Поднимать скандал не в наших интересах. До приезда на конечную станцию нам нечего опасаться, и лучше будет (чтобы он не успел подготовиться) внезапно забрать у него рыбу, например, на следующей станции. А дальше посмотрим, что делать». Напарник со мной согласился.

На станции с громким названием Полярный Урал, на которой стоит столб, символизирующий границу между Европой и Азией, мы, дождавшись, когда закончится приём багажа и почты, подошли к распашной двери багажного вагона. Не дожидаясь вопросов со стороны проводника, Петерс сказал: «Сеня, мы бы вещишки хотели свои забрать». Услышав такое, Семён, сперва растерялся, но через мгновение, взяв себя в руки, удивлённо сказал: «Так ещё долго ехать... Вы же говорили, до конца...» «Мы передумали», – ответил напарник. «Хозяин-барин», – сверкнул золотыми зубами проводник, – сейчас принесу». Через минуту он с улыбочкой выставил на край вагона три наших сумки: «Забирайте... Всё надёжно, как в сберкассе...». Мы с Петром Петровичем недоумённо переглянулись. «Тебе отдавали четыре», – понимая, что нас пытаются нагло обмануть, сказал Петерс. «Какие четыре? Четвёртая оплата за услугу. Мы же так договаривались», – возмутился, Сеня. «Мы же с тобой отдельно рассчитались за услугу», – растерянно промямлил Петерс. Понимая, что одними словами ничего не добиться, я, повернувшись к напарнику, сказал: «Он прав. Забирай сумки!» Пётр Петрович недоумённо посмотрел на меня, а проводник, довольный, что конфликт решается в его пользу, ухмыльнулся.

Не давая им опомниться, я, освободив дверной проём от багажа, запрыгнул в вагон. Прикрыв створку дверей, нащупав в кармане «выкидуху» (нож с выскакивающим из рукоятки лезвием), выменянную мной перед самой поездкой на бухту телефонного кабеля у расконвоированного зэка, часто приезжавшего к нам на шахту по хозяйственным делам, я пошёл на Сеню. Вспомнив всё, чему меня учили в молодости мои старшие товарищи, я, сплюнув по-блатному на пол и сузив глаза, процедил сквозь зубы: «Ну что, крыса, сам отдашь, или как?» Я вытянул руку с ножом и нажал кнопку. Глухо щёлкнув и тускло блеснув сталью, почти коснувшись туго обтягивающей живот синей трикотажной майки Семёна, из моего кулака выскочило лезвие

ножа. Побледнев, проводник втянул живот и перестал дышать. «Что, падла, жить хочется? А ты знаешь, что за три дня в тундре песцы человека, даже такого жирного, как ты, до костей обглаживают?» – продолжил я нагонять жути на проводника. «Всё отдам, всё отдам... простите...» – сглотнув слюну, чуть слышно прошептал он. «Конечно, отдашь, крыса... Куда ты денешься... Всё отдашь... Зубы свои золотые отдашь, чтобы остаться живым, сучара... – укол его кончиком ножа, процедил я, – неси, падаль, рыбу...» Чтобы вывести из шокового состояния, я пнул его ногой. Когда Сеня подтащил к двери нашу сумку, я, посмотрев ему в лицо немигающим взглядом, сказал: «Не вздумай жаловаться, крыса, – закопаю...» Забрав рыбу, мы с напарником пошли к себе в вагон. «Теперь он нас точно сдаст по приезде», – сказал я Петерсу. И мы начали думать, что нам делать дальше.

Доехав до станции, на которой наш состав должен бы двинуться назад, я, зная, что здесь он будет стоять долго, побежал на вокзал узнать расписание поездов. К моей неописуемой радости, вскоре должен был проследовать пассажирский поезд из Адлера. Перед самым отправлением нашего поезда мы с Петром Петровичем, забрав вещи, вышли на перрон и через десять минут уже садились в следующий из Адлера скорый. Приблизительно через полчаса наш поезд обогнал сиротливо стоявший на запасных путях состав, на котором ехали прежде, и мы прибыли на конечную станцию первыми. Взяв на вокзале такси, вскоре добрались домой.

На следующий день, так как погода на удивление была тёплой, всем участком выехав из шахты после ремонтной смены, купили в поселковом кафе бочку пива, и выкатили её в тундру. Пётр Петрович притащил из дома рыбу, и мы, попивая пивко и закусывая его малосольной рыбкой, устроили своей душе праздник...

26 ноября 2019 г.

Парикмахерша

«Миш, ты видел новую парикмахершу?» – спросил Лёха, когда мы, закончив смену, подходили к клетьевому стволу. «Какую парикмахершу?» – вопросом на вопрос ответил я. «Да ты чё, с неба свалился, что ли? У нас на шахте появилась парикмахерша – девочка просто загляденье! Мужики уже дней десять обсуждают её прелести, а ты спрашиваешь: “Какую?”» – передразнил меня друг. «А где бы я её увидел? Работаю в ремонтную смену с шести утра. Подстригаюсь нечасто, всегда в посёлке, но ты меня заинтриговал – сегодня зайду, познакомлюсь», – сняв каску, я провёл рукой по изрядно подросшим кудрям. «Тебе там ничего не обломится... Ты будешь не первый, кто пытался подкатить к ней, но она всех отшивает», – ответил Лёха. «Ну это мы ещё посмотрим. Не такие вершины брали. Спорим, за неделю я её уломаю», – самоуверенно усмехнулся я. «А если не уломаешь, тогда чё?» – подзуживал меня приятель. «Ящик коньяка с меня», – опрометчиво вырвалось из моих уст. «Белый аист?» – Лёха сразу стал брать быка за рога. «Жирно будет, “Плиской” обойдёшься», – ответил я. «Витёк, ты слышал, что он сказал? Будешь свидетелем, чтоб этот тип потом заднюю не включил», – подводя итог разговора, спросил Лёха молча шедшего вместе с нами Витьку Сергачёва. «Слышал», – согласно кивнул тот головой. Мы вошли в клеть, стволовой закрыл створки дверей, и она, набирая скорость, помчалась вверх.

Шахтная парикмахерская располагалась в самом начале тёплого перехода из бытового корпуса в административный. Я, смыв с себя угольную пыль и пот, боясь, что кто-то может опередить меня, быстро одевшись, помчался туда. Но волнения были напрасны: открыв дверь, я обнаружил, что, на моё счастье, в этом заведении на данный момент я был единственный клиент. В помещении было пусто, только молодая девушка-мастер, сидя в кресле, увлечённо читала какую-то книжку. Честно говоря, она мне понравилась с первого взгляда: миловидная зеленоглазая брюнетка с пышной копной волос, одетая в белый халат, подогнанный по её точёной фигуре, – она просто обязана была притягивать к себе взгляды мужчин. Обернувшись на стук двери, девушка, увидев меня, отложила книгу и поспешно поднялась. Ослепительно улыбнувшись, она, поздоровавшись, пригласила меня садиться в кресло. От её улыбки и приятного голоса у меня в груди дрогнуло и возникло какое-то радостное чувство, сердце моё забилось чаще, и я подумал, что сделаю всё для того, чтобы добиться её расположения. Пока она заботливо укрывала меня простынёй, я, скосив взгляд на лежавшую на краю стола книгу, прочёл надпись на её обложке: «Ги де Мопассан “Милый друг”». Эту книгу, в которой французский писатель рассказывает, как молодой журналист, используя женщин, пробивается в высший свет Парижа, я прочитал ещё будучи учеником восьмого класса и хорошо помнил довольно откровенные описания любовных свиданий. «Что может быть лучшим поводом для сближения с такой красавицей? Конечно, обсуждение хорошей книги!» – внутренне усмехнувшись, подумал я, внимательно рассматривая в зеркало парикмахершу. А она, подоткнув простыню мне под воротник, поймав в зеркале мой взгляд, улыбнувшись спросила: «Как будем стричься?» «Сделайте мне причёску, как у Жоржа Дюруа, чтобы я нравился так же, как и он, молодым красивым девушкам», – улыбнувшись в ответ, сказал я. Не понимая, о ком идёт речь, парикмахерша спросила: «А кто этот ваш Жорж?» Я, кивнув головой на книгу ответил: «Не мой, а ваш. Вернее, не ваш, а Мопассана». «А-а-а, вот вы о ком. Я сразу не догадалась», – засмеявшись, ответила девушка. И, немного помолчав, спросила: «Вы читали эту книгу?» После этого вопроса у нас с ней завязалось оживлённое обсуждение известного романа французского классика, в результате которого через пять минут я узнал, что девушку зовут Люба, она не замужем, живёт в соседнем посёлке, и что её родители, выработав северный стаж, оставив ей жилплощадь, уехали в среднюю полосу России. Беседуя со мной, она, ловко щёлкая ножницами, безжалостно удаляла с моей головы кудри. И хотя стричься особо я не любил и визиты в парик-

махерскую переносил болезненно по причине того, что этот процесс мне напоминал стрижку барана, в этот раз мне было даже приятно. Я рассматривал периодически возникающие перед глазами изящные девичьи руки, украшенные ярким маникюром, и они мне очень нравились. Когда же Люба стригла волосы на моей макушке, она, пытаясь дотянуться, касалась грудью моего плеча, а так как, скорее всего, её халатик был надет на голое тело, то я через тонкую ткань явственно ощущал, как торчащий сосок девичьей возвышенности чертил замысловатые узоры по моей коже. И от этих прикосновений внутри меня что-то начинало сладко ныть. В общем, к концу стрижки я полностью и окончательно был очарован этой замечательной девушкой. Следующий день был выходным, и я пригласил Любу сходить в кино – она с радостью согласилась. Встретиться договорились за полчаса до сеанса у входа в кинотеатр «Родина».

На следующий день наглаженный, до блеска начищенный, побритый и благоухающий одеколоном «Шипр», я, дожидаясь парикмахершу, чтобы не замёрзнуть на двадцатиградусном морозе, пританцовывал у входа в кинотеатр. Любу я узнал издали и, несмотря на то, что меня уже начал доставать холод, я залюбовался девушкой: радостная, улыбающаяся, раздумывавшая на морозе, она, приветливо махая рукой, быстрой походкой приближалась ко мне. От одного её вида на душе у меня сразу потеплело, и я растянул синие губы в ответной улыбке.

Фильм «Калина красная» шёл в городе уже много дней, поэтому в последнем ряду, на который я взял билеты, мы с Любой сидели одни. В зрительном зале было очень тепло, и мы, сняв верхнюю одежду, сложили её на пустующие рядом с нами места. Как только в зале погас свет, я робко положил свою руку на плечо девушки. Она не вздрогнула, не отодвинулась от меня и не сбросила руки. Осмелев, я привлёк её к себе и прильнул к губам долгим поцелуем. Парикмахерша не сопротивлялась, но, когда я оторвался от её губ, произнесла: «Миша, мы пришли в кино. Давай его посмотрим. После кино я приглашаю тебя к себе в гости...» Услышав её слова, я весь фильм смирно сидел, положив руку на тёплое колено Любы, а моё воображение, не воспринимая то, что происходит на экране, рисовало картину того, что должно было случиться в гостях.

Дом, в котором жила парикмахерша, оказался сохранившимся со времён ГУЛага вросшим в землю лагерьным бараком на краю посёлка. Как только мы, открыв двери, вошли внутрь, я увидел тускло освещённый длинный коридор, по обе стороны которого было множество дверей, а в нос мне ударили спёртый воздух и множество различных запахов – от едкого табачного дыма, потных человеческих тел до помоев и кислой капусты. Дверь Любиной комнаты была третьей от входа. Пока она искала в сумочке ключи и пыталась открыть дверь, я, не теряя времени, расстёгивал на ней мутоновую шубку и осыпал поцелуями лицо и шею. Наконец мы вошли в комнату, и я, закрыв двери, сгораемый желанием, готов был тут же на пороге совершить то, что в течение всего киносеанса почти два часа рисовало моё воображение, но Люба, отстранившись от меня и промолвив: «Погоди, Миша, успеем...» – включила свет. То, что случилось после этого, было для меня шоком – пол в комнате вдруг зашевелился и стал менять цвет – вместо светло-коричневого он от середины к краям начал становиться бурым. Пол двигался, шуршал и менялся на глазах. Ошарашенный происходящим, я, забыв про Любу, смотрел на это явление. Внезапно моё сознание пронзила мысль: «Так это же тараканы! Полчища тараканов разбегаются по своим щелям!» Брезгливо поморщившись, я отстранился от парикмахерши и, открыв дверь, выскочил из комнаты.

В понедельник по выезде из шахты, не вдаваясь в подробности, я, признав своё поражение, купил Лёхе ящик «Плиски».

30 марта 2020 г.

ОХОТНИК

Бросив тушку пятого песца в прицепленные к снегоходу сани и посмотрев на висящее у горизонта скупо греющее тундру зимнее солнце, Витька Нерусских, решив, что пора уже возвращаться домой, выпил стакан водки, выкурил сигарету и помчался в сторону посёлка. Так как прошедший день был удачным, впрочем, как в целом и весь нынешний сезон, настроение у него было замечательным. Подумать только, на календаре был март (в Заполярье это ещё не конец зимы), а он уже сумел рассчитаться с долгами за приобретённый осенью снегоход «Буран»; мало того, от продажи песцовых шкурок жена Света скопила греющую ей душу кругленькую сумму. «Хорошо, что осенью не послушал Светку, когда она пыталась отговорить меня от покупки “Бурана”. Сегодня, когда только у меня да ещё у пары человек в посёлке есть снегоходы, и то приходится песца искать за тридцать вёрст от жилья, а когда появится десяток машин, тогда и за пятьдесят зверя не отыщешь», – размышлял Витька, разрезая лыжей «Бурана» белый саван, сливающейся с горизонтом бесконечной тундры.

Если водка приятно грела организм мужчины изнутри, то встречный поток морозного воздуха обжигал лицо; от него слезились глаза, стыли руки, и поэтому Нерусских решил остановиться. Растирая лицо вязаной шерстяной варежкой, он, увидев, что запас топлива почти на нуле, достал из саней двадцатилитровую канистру с бензином и «под завязку» наполнил бак. Затем, допив водку (зачем оставлять на слёзы?), посмотрев на лежащих в санях уже околелых на морозе песцов, подумал: «Неплохо бы ещё одного добавить, тогда жена будет от радости прыгать до потолка». Вытащив из-под полушубка висевший на груди бинокль, он стал привычно осматривать окружающую местность. Мощная оптика значительно приближала размытую линию горизонта и даже на белоснежном покрывале тундры позволяла заметить песца на расстоянии до полутора километров. «Что ж, видимо, сегодня Светке придётся довольствоваться пятью шкурками», – подумал Витька, заканчивая осматривать округу. Он уже собирался спрятать бинокль и ехать дальше, но тут его тренированный глаз заметил какое-то чуть отличающееся от белой тундры двигающееся пятнышко. «Песец!» – радостно дрогнуло сердце охотника, но уже в следующее мгновение он подумал, что размер пятнышка для песца великоват. Перебирая в уме всех обитателей, живущих в зимнее время в тундре, Нерусских никак не мог понять, кто же находится в полутора километрах от него. Внезапно его мозг пронзила мысль: «Волк! Это же полярный волк!» Охотничий азарт, подкреплённый приличной дозой спиртного, вытеснил из Витькиной головы все мысли, кроме одной: «Я не должен его упустить...» Переместив ружьё из-за спины на грудь, охотник вскочил на снегоход и, выжимая из него максимальную скорость, помчался в сторону предполагаемого хищника. Вскоре пятно, видимое только в бинокль, можно было уже рассмотреть невооружённым глазом. Чем ближе подъезжал Нерусских к интересующей его точке, тем меньше сомневался в своей догадке. Наконец расстояние между ними сократилось до такого предела, что Витька сумел окончательно убедиться в своей правоте – перед ним был полярный волк! Ветер в этот день был несильный и дул навстречу охотнику, поэтому зверь, ещё не чувствуя грозившей ему опасности, в поисках пищи бежал рысцой по плотному снежному насту. Прикинув на глазок его размеры, Витька внутренне поёжился – волк был огромен!

Когда расстояние между ним и охотником сократилось до двухсот метров, хищник, видимо, услышав звук мотора, повернул голову и, увидев приближающуюся опасность, распластавшись по снегу, что было мочи, рванул прочь. Растянув в усмешке обветренные до трещин губы, Нерусских, нажав рычаг «газа», помчался за ним. Какое-то время скорости движения зверя и машины были равны, но постепенно волк стал выбиваться из сил, и расстояние между ними начало неуклонно сокращаться. Витька, за зиму выработавший свою тактику охоты на песцов (догнать обессиленного зверька, придавить его лыжей, а затем добить при-

кладом ружья), преследуя волка, решил поступить так же. Но, когда он приблизился к хищнику совсем близко, тот, видимо, понимая безысходность своего положения, круто развернувшись, прыгнул на охотника. Нерусских, не ожидавший такого от уставшего зверя, бросил руль и, схватившись обеими руками за ружьё, выставил его перед собой. Крупные сильные волчьи лапы мощно толкнули его в грудь, а крепкие белые клыки хищника сомкнулись на воронёной стали дустволки. Толчок в грудь сбросил Витьку со снегохода, а ружьё, ремень которого соскользнул с шеи Нерусских, осталось в волчьих зубах. «Буря» же, освободившись от хозяина, проехав по отшлифованной ветрами тундре несколько метров, остановился и заглох. Ещё не осознавая, что теперь он уже не охотник, а жертва, лёжа на снегу, Витька, подняв голову, посмотрел в жёлтые глаза приготовившегося к прыжку зверя. «Это конец... Он меня загрызёт...» – промелькнула мысль в его в голове. Но в следующее мгновение обострённое смертельной опасностью сознание подсказало: «Нож, у тебя есть нож...»

Чтобы не пропустить момент прыжка, Нерусских, не спуская глаз с волка, потянувшись, вытащил из-за голенища собачьего унта изготовленный из рессорной стали охотничий нож. Подняться с земли он не успел, так как волк, внезапно разжав зубы, выронил ружьё на снег и, оскалившись, прыгнул на лежащего человека. Защищая горло и лицо, Витька инстинктивно выставил перед собой согнутую в локте левую руку, и когда хищник, пытаясь прокусить рукав полушубка, вцепился в неё, ножом, зажатым в другой руке, ударил волка в живот. Потом, плохо понимая, зачем он это делает, с ожесточением ещё много раз втыкал в хищника нож, пока тот, разжав зубы, не упал на него, придавив всей тяжестью семидесятикилограммового тела. С ног до головы перепачканный волчьей кровью, Нерусских с трудом выбрался из-под мёртвого зверя и, пошатываясь, поднялся. Болела и кровоточила рука; осмотрев её, он, отрезав окровавленным ножом кусок майки, перебинтовал рану. Затем завёл снегоход, подобрал ружьё, с огромным трудом погрузил в сани убитого волка и поехал домой.

26 февраля 2020 г.

«Запорожец»

Профсоюзное собрание шумело и волновалось, потому как на повестке дня был второй по значимости (после квартирного) вопрос – распределение легковых автомобилей. Когда председатель профкома Коля Литвинов сказал, что администрация шахты и шахтный комитет, проявив невиданную щедрость, выделили им две машины, все сидящие в нарядной от такой новости оживлённо загудели. Да это и понятно: шахтёры знали то, что по итогам года дадут ВАЗ -2106, и даже не было ни для кого секретом, что его получит бригадир Вася Чередников. Раз в году кто-то на участке покупал новый автомобиль, а чтобы было всё справедливо, среди горняков существовала негласная договорённость, кто станет следующим счастливым обладателем сверкающего лаком и никелем авто. Но на этот раз выделили две машины, и по этой причине народ взволновался.

Переждав шум, Литвинов продолжил докладывать собранию: «Руководство участка и профсоюзный комитет на совместном заседании решили поощрить автомобилем ВАЗ-2106 передовика производства бригадира Василия Чередникова. Кто за данное решение, прошу проголосовать. Кто против? Кто воздержался? Единогласно». Осмотрев сидевших в нарядной мужиков, Коля, сделав многозначительную паузу, сказал: «А сейчас мы должны определить, кому достанется вторая машина...» «Жребий нужно тянуть! Жребий!», «А кто у нас следующий по очереди?» «Мне, мне дайте!» – послышались крики со всех сторон. Председатель профкома, стараясь успокоить народ, поднял руку вверх и, когда шахтёры затихли продолжил: «Дело в том, что это – ЗАЗ-968М, или попросту “Запорожец”». В нарядной мгновенно установилась тишина: желающих приобрести вместо «Жигулей» «Запорожец» среди горняков не находилось. «Толик, ты же сейчас кричал: “Мне, мне дайте”. Забирай, дают», – обращаясь к своему дружку Толику Сергееву, первым нарушил тишину балагур и шутник Санька Балакин. «Да зачем он мне... Меня Людка с такой машиной на порог не пустит...» – огрызнулся Сергеев. «Ну что, есть желающие недорого приобрести новый автомобиль?» – оглядев своих товарищей по работе, задал вопрос Литвинов. Мужики, потупившись, молчали. Один лишь Мишка Быков, точно знавший, что ему, совсем недавно пришедшему на участок, очередь на покупку «Жигулей» подойдёт не скоро, а может быть, и совсем не подойдёт, лихорадочно убеждал самого себя: «Ты же давно хотел машину купить и права у тебя есть, а второго такого шанса может и не быть... Ну и что, что “Запорожец”? Зато недорого... Решайся...» И когда председатель профкома, не дождавшись, хотел уже объявить, что в таком случае за неимением желающих придётся вернуть автомобиль в шахтком, неожиданно раздался голос Мишки: «Я возьму...» Сидевший рядом с ним его приятель Витя Нерусских с удивлением посмотрел на него: «Зачем тебе “Жопорожец”, друг, лучше “Буран” купи, вместе охотиться будем». На слова Вити Мишка никак не отреагировал, а на вопрос Литвинова: «Так что, Быков, ты будешь брать?» твёрдо ответил: «Буду». Так он стал автовладельцем.

Это добавило не только радости, но и забот. Гаража, как и у большинства работавших на шахте владельцев авто, у него не было, и он так же, как и другие, оставлял ночевать «Запорожец» во дворе своего дома. Двор, окружённый со всех сторон серыми пятиэтажками, был очень большим и похожим на колодец. На его территории, кроме двух детских площадок, спокойно размещались десятка три-четыре легковых автомобилей. Теперь вечерами, а иногда и ночью, Мишка, тревожась за сохранность машины, выходил покурить на балкон и, обнаружив её на месте, успокоившись, с высоты четвёртого этажа долго любовался своим авто. И, несмотря на то, что тот стоял в одном ряду с «Москвичами», «Жигулями» и даже огромными «Волгами», небольшой по размеру, сверкающий лаком ярко-красный автомобиль казался парню самым красивым. А вот волновался о его сохранности он зря – случаи угона машин в их шахтёрском городе были большой редкостью. И не потому, что не было угонщиков, просто город, распо-

ложенный за Полярным кругом, имел с остальной страной только железнодорожное и авиасообщения.

Сев первый раз за руль своего «железного коня», Мишка, носивший в кармане водительское удостоверение более десяти лет, чувствовал себя не очень уверенно, но вскоре, через три-четыре дня, покатавшись вечерами по абсолютно пустой дороге, ведущей к шахте, освоился и уже, не опасаясь оказаться в неприятной ситуации, перестал ездить на работу автобусом. От посёлка до стоящей в тундре шахты было около десяти километров, и парень, выйдя из дома за пятнадцать минут до наряда, протерев окна и важно постучав ногой по колёсам, садился в машину и через десять минут был на шахте. Когда он входил в нарядную, то кто-нибудь из друзей, а чаще всего это был Витя Нерусских, дурачась командовал: «Встать! Смирно! На собственном ушахом броневике к нам прибыл начальник пожарной команды!» После этих слов все присутствующие шахтёры неизменно громко смеялись. Мишка на шутки не обижался, и постепенно шутники успокоились. А через какое-то время его перевели работать дежурным электрослесарем, и он перестал ходить на наряды перед ремонтной сменой.

Как это бывает только на Севере, лето уже в сентябре, минувшая осень, внезапно перешло в зиму: начались обильные снегопады, снежные заносы, резко понизилась температура воздуха, стремительно убывал световой день. У Мишки, привыкшего ездить на работу собственным автомобилем, с приходом зимы возникли неудобства. К примеру, чтобы на следующий день завести машину, приходилось по приезде домой снимать с неё аккумулятор и уносить в тепло. Когда температура опускалась ниже тридцати градусов, сорокакаильный с воздушным охлаждением двигатель «Запорожца» застывал так, что не помогала даже такая уловка. Но не на пустом же месте появилась поговорка: «Голь на выдумки хитра», и парень приспособился и к такой погоде. Установив на машину «тёплый» аккумулятор, он приносил из дому два ведра горячей воды, тонкой струйкой лил её на мотор, и случалось чудо – он заводился. Владельцы «Волг», «Жигулей» и «Москвичей», у которых не получилось вдохнуть жизнь в свои автомобили, с завистью смотрели, как он на своём неказистом «броневике» уверенно выезжал со двора. Другой бедой было то, что иногда после пурги переметало дороги во дворе, а коммунальные службы не успевали их почистить, что затрудняло, а иногда и делало невозможным выезд на улицу. Но парень приспособился и к этому. Забуксовав в снегу, он, вытянув воздушную заслонку карбюратора, или попросту «подсос», добавлял двигателю оборотов и, выбравшись из салона, одной рукой держась за руль, а другой упёршись в переднюю стойку, начинал толкать автомобиль, помогая ему преодолеть препятствие. Как только «броневик» выбирался из сугроба, Мишка запрыгивал внутрь и продолжал движение. Однажды, вытаскивая автомобиль, он поскользнулся и упал в снег. Пока парень лежал на земле, «Запорожец», словно живое существо, вырвавшееся на волю и гонимое желанием отомстить за все обиды своим высокомерным родственникам, набирая скорость, радостно помчался в сторону выстроившихся в длинный ряд легковых автомобилей. Парень, понимая, что не может никак повлиять на ситуацию, с ужасом наблюдал, как его «броневик» приближается к стоящей первой в длинном ряду сверкающих лаком автомобилей «Волге» известного всей стране Героя Социалистического Труда. Закрыв глаза, Мишка с замиранием сердца ждал скрежета металла. Томительно тянулись секунды, но ничего не происходило. Разлепив веки, парень увидел, что его автомобиль, проехав в полуметре от своих собратьев, остановился, уткнувшись в очередной сугроб. С облегчением вздохнув, он поднялся с земли.

На дворе был март и, хотя зима не собиралась отступать, в конце месяца морозы ослабли. На радость жителям в шахтёрском городе за Полярным кругом установилась довольно комфортная для этого времени погода. Смена была спокойной, поэтому Мишка, поднявшись на поверхность задолго до её окончания, дождавшись в цехе сменщика, Лёшку Аханова, посмотрев на часы, сказал: «Привет, Лёш! Всё нормально, всё крутится. Ходил на десятый, у них пересып заштыбовался, датчик уровня оборвали, и больше ничего. Трудись на благо Родины,

а я побежал. Может, ещё успею третью серию “Место встречи” посмотреть...» Отметив в табельной выезд, сдав самоспасатель и свет в ламповую, он, наскоро помывшись, вышел на стоянку автомобилей перед административно-бытовым корпусом. Полюбовавшись северным сиянием, разгоравшимся над тундрой зеленоватыми сполохами, он подумал: «Как же замечательно жить! Быть молодым, здоровым... Дышать свежим морозным воздухом... Любоваться звёздным небом... наверное, те, кто никогда не был в шахте, не поймут нас... Да и бог с ними...» Усевшись в «Запорожец», парень повернул ключ зажигания, и застывший на морозе мотор, недовольно побурчав, через несколько секунд завёлся и весело запел свою бесконечную песню. Боясь опоздать на фильм, Мишка включил первую передачу и выехал со стоянки. Тусклый свет фар освещал обставленную с обеих сторон вешками, за зиму сровнявшуюся с тундрой пустынную бетонную дорогу, по обе стороны которой простиралась бескрайняя заснеженная равнина, далеко впереди мерцали огни посёлка, а над головой было звёздное небо. Закурив «беломорину» и посмотрев на часы, он, представив, как через десять-пятнадцать минут будет, сидя на диване, смотреть кино, в котором снялся любимый им Владимир Высоцкий, улыбнулся и надавил на педаль газа. Разогретый до рабочей температуры, слабосильный моторчик «броневика» проснулся и, бойко застучав клапанами, увеличил обороты. Когда до посёлка оставалось чуть больше полпути, впереди, и справа от себя на белом покрывале тундры краем глаза парень заметил приближавшуюся к дороге чёрную точку. «Что бы это могло быть?» – подумал он и, не найдя ответа, прибавил скорость. С возрастанием скорости точка на глазах становилась тёмным пятном. Не понимая, что же это движется навстречу, но ощущая какой-то подспудный страх от неизвестности, Мишка, несмотря на скользкую дорогу, желая оставить эту неизвестность позади, надавил до пола на педаль газа. Но пятно приближалось и становилось всё больше и больше, и в какой-то момент парень увидел и осознал, что наперерез ему, словно летучий голландец, мчится снегоход с выключенными фарами и что он ничего не может сделать, чтобы избежать столкновения. Уходя от прямого лобового удара, Мишка повернул руль влево, и «Запорожец» послушно выполнил волю водителя. Благодаря этому лишённый управления снегоход с болтающимся за ним прицепом со скрежетом вскользь проехал по лакированному борту «броневика» и, отскочив от него, перевернулся. Резко нажав на педаль тормоза, парень остановил свой автомобиль на самом краю дорожной обочины. Рывком открыв дверь, он, выскочив из машины, помчался к перевернувшемуся снегоходу. Это был «Буран»; даже лежавший на боку, он продолжал вращать свою гусеницу. Рядом с ним были разбросаны несколько песцовых тушек и, растекаясь тёмным пятном по белому снегу, приближаясь к лежащему недвижимо на снегу водителю снегохода и к самому снегоходу, толчками выливался из выпавшей на землю канистры бензин. Понимая, что в любую секунду бензин может вспыхнуть ярким факелом, уничтожая вокруг себя всё живое, Мишка, подбежав к лежащему на земле человеку и ухватив его за ноги, потащил подальше от растекавшегося бензинового пятна. Когда он почти доволоч охотника до «Запорожца», бензиновое пятно, а следом за ним и «Буран», вспыхнув ярким пламенем, затмили своим светом играющее на небе северное сияние... Посмотрев на лежавшего у его ног человека, Мишка в отблесках разгорающегося костра с удивлением узнал своего друга Витьку Нерусских. Когда, пытаясь понять, дышит ли его друг, он склонился над ним, контрастируя со свежим морозным воздухом, в носшибанул крепкий запах перегара – Нерусских был мертвецки пьян. Несмотря на трагичность ситуации, внутренне усмехнувшись, Мишка подумал: «Эх, Витёк, Витёк, где бы ты сейчас был, если бы я послушал тебя и не стал покупать “Запорожец” ...» Опасаясь, что в любую секунду может взорваться бензобак «Бурана», он с большим трудом открыл повреждённую пассажирскую дверь и, затащив друга в салон, уложил его на откинутое переднее сиденье пристегнув ремнём безопасности. Не успели они отъехать и на сто метров от места аварии, как позади, взметнувшись высоко в небо столбом пламени, взорвался бензобак снегохода и чуть затухающий костёр вспыхнул с новой силой.

Понимая, что в таком виде везти домой друга нельзя, Мишка отыскал проживавшего в шахтном общежитии его брата Генку и после того, как они вдвоём затащили Витьку в комнату к брату, поехал домой. Когда он вошёл в квартиру, на экране телевизора высветилась надпись: «Конец третьей серии...»

10 апреля 2020 г.

Не было бы счастья

...

Поезд тихонько тронулся, последние провожающие поспешно покидали вагон. Лена привычно стояла в тамбуре, выставив наружу смотанный сигнальный флажок жёлтого цвета. Когда проезжали мимо здания вокзала, из его дверей выбежал молодой человек с большой спортивной сумкой в руках, а так как вагон Лены был ближе всех – он побежал к нему и, вцепившись в поручни, поднялся в тамбур.

– Чуть было не опоздал! – сказал парень, улыбнувшись Лене.

– Пожалуйста, предъявите билет! – никак не реагируя на улыбку, попросила девушка. Молодой человек вытащил из кармана билет и протянул проводнице.

– Вам в восьмой вагон – это рядом, – Лена возвратила билет парню и посмотрела на него. На вид ему было лет двадцать пять – среднего роста, правильные черты лица, русые выющиеся волосы и насмешливые голубые глаза. На какое-то мгновение их взгляды встретились, и девушка увидела в глазах молодого человека неподдельный интерес к себе. Смутившись, она быстро отвела взгляд.

– А может, красавица, в твоём вагоне, а заодно и в сердце найдётся местечко для меня, – спросил её парень. – Давай знакомиться: Сергей, – он протянул руку.

– Восьмой вагон в ту сторону, – кивнула Лена, не обращая внимания на парня.

– Ну, хорошо – ехать мне далеко. Ещё успеем познакомиться, – сказал Сергей и, подхватив сумку, пошёл в свой вагон.

Лена вспомнила: действительно билет у него был до конечной станции – шахтёрского города, в котором жила она, а ехать до него было ещё почти двое суток.

К своей новой роли проводника Лена уже привыкла – это была у неё четвёртая поездка. За одну поездку из их далёкого шахтёрского города до курорта на берегу Чёрного моря перед её глазами проходил огромный поток пассажиров совсем незнакомых ей людей. Они были разные: хорошие и плохие, добрые и злые, приветливые и раздражённые, молодые и старые, женщины и мужчины. Тетя Люда, её напарница, которая проработала много лет проводником, говорила ей: «Ты, Ленка, смотри не очень-то доверяй им. Я за свою жизнь на пассажиров насмотрелась – хорошего от них ждать не приходится. Особенно от мужиков – они все на одну колодку. Пока обхаживают, такие ласковые, прям соловьями заливаются, а как получил своё, так сразу морду воротит. Охмурит какой-нибудь, и поминай, как звали!» Лена её слушала, согласно кивала головой, но сама думала: «Нет, у меня всё будет хорошо. Я встречу одного и единственного, как мама встретила папу, и всю жизнь вместе – в радости и беде, в хлопотах и заботах».

Её родители работали на шахте: папа начальником участка, а мама экономистом в плановом отделе. Отец был строгий – Лену и её младшую сестру Аню любил, но не баловал. Если многие её подружки уже после восьмого класса ходили на дискотеки, встречались с мальчиками, то Лене отец такие вольности не позволял. Девять вечера – это максимально позднее время, когда она должна быть дома, Учёба, помощь по дому, музыкальная школа – вот круг, за черту которого нельзя было выходить. И только когда Лена уже училась в институте, то отец позволял ей вместе с однокурсниками поехать на вылазку, за город или пойти на день рождения к кому-нибудь из друзей. При этом он предупреждал: никаких ночёвок и спиртного.

Учебный год подходил к концу – приближались летние каникулы. Как провести их, Лена не знала, но подружка Ирина предложила: «Давай, Ленка, запишемся в стройотряд проводниками пассажирского поезда. Представляешь: новые места, люди, впечатления». «А почему бы

и нет, – подумала Лена. – В самом деле, что плохого – бесплатное путешествие. Да и деньги лишними не будут». Родители давали только на проезд и обеды, а стипендия исчезала, не успев появиться. Но главной причиной были не путешествия и деньги – девушке хотелось уйти из-под жёсткой опеки отца. Почувствовать себя по-настоящему взрослой, самостоятельной и независимой. И она согласилась с подругой. Но как сказать об этом родителям? Они наверняка будут против. Скажу маме, а отцу говорить не буду. Она подскажет, как лучше», – приняла решение девушка. Так и поступила: рассказала маме. Та, выслушав, вздохнула и произнесла: «Ты уже взрослая и вправе сама принимать решение. Я поговорю с папой, чтобы он не препятствовал». Когда она сумела уговорить отца, Лена была от счастья на седьмом небе.

Перед тем, как допустить к самостоятельной работе, всех будущих проводников ознакомили с обязанностями и провели инструктаж по правилам безопасности. Обязанности были несложные, тем более, что в паре с каждым студентом должен был быть опытный напарник. Распределили всех по маршрутам. Лена с Ириной попали на хороший маршрут – до курортного города на берегу Чёрного моря. Так началась трудовая жизнь девушки.

В первую поездку она отправилась с чувством большой тревоги – очень волновалась, что не сможет наладить отношения с напарницей. Но всё вышло хорошо. Напарница – тётя Люда, оказалась женщиной доброй и справедливой. Она не пыталась переложить на Лену чёрную работу, но и не давала поблажек, не раздражалась и не кричала, когда та ошибалась, а терпеливо разъясняла, как нужно сделать правильно. Сработалась она с тётей Людой быстро.

Первая поездка очень понравилась девушке, несмотря на то, что работать приходилось много. Грязной работы она не боялась, всё горело у неё в руках, и тёте Люде иногда даже приходилось сдерживать рвение напарницы.

Но были в поездке и неприятные моменты. Однажды в вагон ввалилась шумная компания возвращавшихся из командировки рабочих. Они уже были крепко выпивши и в поезде решили продолжить застолье. Шум, гам, пьяные споры. Молодая проводница сделала им замечание, но в ответ услышала сальные шуточки и непристойности. От бессилия девушка чуть не заплакала. Но тут вмешалась напарница, и пьянчужки быстро уgomонились. Очень часто Лена замечала, что на неё обращают внимание мужчины. Да и как было не обращать? Стройная, в форменной одежде, которая была ей к лицу, девушка нравилась противоположному полу. Как и любой женщине, это внимание Лене было приятно. Но очень пугало, когда на неё смотрели похотливо и бесцеремонно, как бы раздевая глазами догола.

В курортном городе на конечной станции, после того, как подготовили вагон к обратной дороге, у неё выдалось несколько свободных часов. Они с Ириной сходили на пляж и искупались в море. Южное солнце, ласковый прибой и беззаботные весёлые люди вызвали у Лены чувство лёгкой грусти. Ей захотелось жить здесь, купаться в море и так же, как эти люди, вечерами неспешно фланировать по набережной.

Из первой поездки девушка возвратилась домой довольная и счастливая. В своей коротенькой жизни она никогда ещё не уезжала так далеко от родного дома. Поэтому соскучилась по родителям, по младшей сестрёнке, по коту Кузе и подружкам. Но вместе с тем она поняла, что может жить самостоятельно, без постоянной опеки отца и мамы и умеет находить общий язык с людьми. А самое главное: ей нравится так жить. Чувство свободы и независимости переполняло её через край.

Потом были ещё поездки; они уже не вызывали таких эмоций, видимо, сказывалось привыкание. В прошлый раз в неё влюбился парень. Влюбился крепко и безответно. Звали его Игнат, жил он в их шахтёрском городке, а родом был из Белоруссии. Ростом парень был около двух метров, плотный, похожий на медведя с огромными руками и доброй улыбкой на лице. Игнат приехал в их края по направлению после окончания института. Работал он на железной дороге и ехал в отпуск отдыхать в санаторий. Игнат был старше девушки на восемь лет, и всю дорогу не отходил от неё, смотрел на Лену влюблёнными глазами и говорил, что она будет его

женой. Слушать это было лестно и забавно, девушка звонко смеялась и шутя отвечала: «Буду!» – а через паузу, когда на лице Игната появлялась широкая улыбка, добавляла: «Когда рак на горе свистнет!» И она, довольная, что удалось пошутить, смеялась, а вместе с ней смеялся и Игнат. Всеми правдами и неправдами он выпытал у девушки домашний адрес и сказал, что обязательно придет свататься. Лене парень нравился, нравились его доброта, покладистость, любовь, которая буквально генерировала из него. Но ответных чувств она к нему не испытывала, поэтому забыла о нём сразу же, как тот сошёл на перрон. И вот теперь она в поездке четвёртый раз и, наверное, последний, так как лето подходило к концу, каникулы заканчивались, и скоро должен начаться учебный год.

Проводив станцию, девушка закрыла наружную дверь на ключ и пошла в служебное купе. Когда она доставала с верхней полки постельное бельё, дверь в купе без стука откатилась. Подумав, что это кто-то из пассажиров пришёл за бельём, Лена обернулась – на пороге с неизменной улыбкой на губах стоял молодой человек, чуть не опоздавший на поезд – Сергей.

– Вот ты где спряталась, – сказал он.

– Что вы хотели? – спросила проводница.

– Только узнать имя, и я сразу уйду, исчезну с твоих глаз...

Чувствуя, что так просто от него не отвязаться (хотя, если честно, то ей даже хотелось, чтобы он побыл с ней подольше), девушка сказала:

– Если я назову своё имя, вы уйдёте?

– Уйду, исчезну с твоих глаз. Ты только назови своё имя, о прекраснейшая из прекрасных! – дурашливо ответил парень.

– Лена, а теперь не мешайте мне работать.

– Я так и знал – Елена Прекрасная. Другого имени у такой девушки и быть не может – сказал Сергей и переступил порог купе.

Девушка хотела возмутиться, но тут в проёме купе появилась тётя Люда.

– Что здесь происходит? Почему в служебном купе пассажиры? – строго спросила она.

Лена подумала, что теперь молодой человек уйдёт, но этого не случилось. Он повернулся к тётке Люде, улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте! Я в соседнем вагоне еду, хотел бы к вам перебраться. Вы мне не можете?

– Мы эти вопросы не решаем, обратитесь к бригадиру, – ответила проводница.

– Ну, ладно, нет, так нет – буду к вам ходить в гости, – парень снова улыбнулся тётке Люде и ушёл к себе в вагон.

– Глаз он положил на тебя, Ленка, теперь не отвяжется, пока своего не добьётся. Ты выдавай бельё, а я пойду чай готовить, – сказала напарница и вышла из купе.

В этот день до самой ночи, что бы ни делала девушка, её мысли постоянно возвращались к Сергею. Она вспоминала его белозубую улыбку, глаза, то, что он говорил, и как он говорил. Ей хотелось, чтобы тот опять пришёл к ним в вагон, хотелось увидеть парня, услышать его голос, хотелось узнать больше о нём. Кто он? Откуда? Куда и зачем едет? И главное, что хотелось узнать Лене, женат он или нет? Но молодой человек в этот день к ним в вагон не пришёл.

На следующий день она проснулась с ощущением, что сегодня должно случиться, что-то необыкновенное, такое, чего в её жизни ещё не случалось. Настроение у девушки с утра было приподнятым, хотелось петь, делать что-то хорошее людям. Улыбка не сходила с её лица.

Напарница, отдежурив ночь, ушла отдыхать, а Лена приступила к выполнению своих обязанностей. Работа спорилась в её руках, она сделала утреннюю уборку в вагоне, разнесла пассажирам чай и присела отдохнуть. Через полчаса поезд должен был прибыть на крупную станцию.

Вскоре за окном замелькали домики, но девушка не замечала их, она смотрела в окно, а мысли были где-то далеко; на её губах блуждала улыбка, на душе было тепло и радостно. Лена

сама не понимала, что с ней происходит, хотя нет, конечно, понимала, но боялась признаться себе, что влюбилась в Сергея. Поезд замедлил ход, и вот уже за окном показалась посадочная платформа. Проводница тряхнула головой, сбрасывая с себя наваждение, прошла в тамбур и открыла дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.